

0- 786100

На правах рукописи

Бул-

Булычева Елена Александровна

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГЛАГОЛА
В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ
В УДМУРТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары 2010

Работа выполнена на кафедре методики преподавания чувашского языка и литературы ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова»

Научный руководитель – доктор филологических наук профессор
Семенова Галина Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Атаманов Михаил Гаврилович

кандидат филологических наук доцент
Андреева Евдокия Александровна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко»

Защита состоится 16 декабря 2010 года в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03 при ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38/1, ауд. 434.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, сведения о защите и автореферат диссертации размещены на официальном сайте университета <http://www.chuvsu.ru>

Автореферат разослан «16» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

А. М. Иванова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000682109

Общая характеристика работы

Глагол всегда занимал одно из важных мест в исследованиях ученых, поскольку он формирует предложение. Основное внимание в исследованиях лингвистов уделялось парадигматическому ракурсу, синтагматика же учитывалась формально, без учета семантических и коммуникативных характеристик предложения-высказывания. Бинарная оппозиция глагол — текст в удмуртском языкознании не рассматривалась, в частности, в сопоставительном плане. В данной работе исследуется порождение предложения-высказывания микро- и макротекстов в двух разносистемных языках. Всякое обращение к порождению предложения-высказывания обогащает наши знания, развивает чувство языка, грамотное им владение и способствует формированию языковой личности в высоком понимании этого понятия. Удмуртский и русский народы исторически объединяет многовековая связь, проявляющаяся в тесных культурных и иных контактах, при которых языковая интерференция является неизбежной.

Удмуртский язык сохранял довольно высокий статус до 1930-х гг. XX века: существовали удмуртские школы, где обучение всех дисциплин велось на удмуртском языке. Однако в дальнейшем в силу ряда причин, в том числе политических, статус родного языка снижается, и в городах удмурты перестают говорить на родном языке. В перестроечные и в постперестроечные годы народ переживает пассионарный подъём, выразившийся в обновлённом интересе к национальной культуре и языку, вследствие чего изучение удмуртского языка в сельских и городских школах возобновилось. Возникает необходимость в создании научно-методического аппарата для сопоставления удмуртского и русского языков, что помогло бы изучающим удмуртский язык в вузе и в школе строить высказывание на когнитивно-коммуникативных основаниях.

Актуальность данного исследования обусловлена прежде всего тем, что в новых исторических обстоятельствах наступивший после полувекового (1930 — 1985-е гг.) пассионарного спада пассионарный подъём обостряет необходимость изучения функций глагола в национальном языке. Научно обоснованное изучение соотношения языка и национального мышления как средства формирования речи — первоочередная задача, стоящая сегодня перед удмуртскими лингвистами. В теоретических исследованиях по удмуртскому языку понятие валентности не нашло пока своего отражения, и, следовательно, вне интереса учёных остались проблемы вербоцентрической структуры предложения. Именно поэтому представля-

ется актуальным исследование функций глагола на уровне высказываний микро- и макротекстов.

Отсутствие стройной теории предложения-высказывания, отражающей многовековое взаимовлияние двух разноразличных языков, послужило основанием для системного описания порождения микро- и макротекстов как проблемы. Под макротекстом подразумеваются художественные тексты, а также несколько видов текстов других функциональных стилей (публицистический и научный), взятых для сопоставительного анализа. Движение от микро- к макротексту проходит через сверхфразовое единство (СФЕ), некую последовательность СФЕ, нередко образующих сюжетную цепочку и, наконец, композицию. Важно уточнить, что последняя не является предметом настоящего исследования, в котором анализу подлежат отрывки художественных текстов, состоящих из нескольких СФЕ. Предложенный в диссертации аспект изучения функциональной значимости глагола в различных типах текстов позволяет сделать акцент на актуальных для современного удмуртского языка проблемах.

Целью исследования является выявление специфики использования глагола в различных функциональных типах текстов в удмуртском и русском языках.

Цель исследования обуславливает необходимость решения следующих задач:

- рассмотрение систем грамматических категорий глагола в удмуртском и русском языках;
- изучение валентностных характеристик глаголов, обеспечивающих вербоцентричность предложения;
- исследование предложения-высказывания с точки зрения его трехуровневой структуры;
- определение основных параметров различных типов текстов;
- выявление идиосинхронических признаков в порождении удмуртских и русских микро- и макротекстов.

Объектом данного исследования является функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках.

Предметом исследования является порождение предложения-высказывания как вербоцентрической структуры.

Материалом для исследования послужили примеры из произведений классиков удмуртской и русской художественной литературы XIX – XX вв.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды основоположников отечественного и зарубежного языкознания.

ния в области морфологии и синтаксиса (А. А. Шахматова, А. А. Потебни, И. И. Мещанинова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой, С. Д. Кацнельсона, В. Г. Адмони, М. Д. Степановой, Г. Хельбига, Х. Бринкмана, Ф. Данеша и др.). В области анализа текста мы опирались на труды И. Р. Гальперина, Г. Я. Солганика, Л. М. Лосевой, О. И. Москальской, О. А. Нечаевой, Н. Д. Зарубиной, Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгиной, Н. С. Болотновой и др. В понимании функциональной перспективы предложения особо значимыми явились труды представителей Пражской функциональной лингвистической школы В. Матезиуса, П. Адамца, Я. Фирбаса и др.

Методы исследования. В работе использован метод частичной выборки языкового материала, поскольку анализ порождения текстов разных языков не позволяет пользоваться сплошной выборкой; основной метод исследования – концептуальный анализ предложения-высказывания, ведущий к выстраиванию макротекстов, вспомогательные методы – анализ и сопоставление синтаксических конфигураций микро- и макротекстов на основе семантических параметров глаголов, а также количественно-качественный метод.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

- представлена типологическая характеристика глагольных единиц в разнотипных языках;
- изучена и представлена как системное описание предложения-высказывания трехуровневая структура предложения, на основании которой проводилось описание микро- и макротекстов в удмуртском и русском языках;
- выявлены идиоматические параметры удмуртских и русских макротекстов;
- выявлена взаимозависимость семантических и коммуникативных структур микро- и макротекстов;
- обнаружена неоднородность текстов, совмещающих в себе признаки других видов текстов;
- определено наличие разных семантических признаков в типах текстов (статика и динамика);
- обнаружена необязательность критерия статичности в дескриптивных текстах.

Теоретическая значимость исследования проявляется в попытке создания научно-методического аппарата сопоставления разнотипных языков, в нестандартном подходе к дефиниции и порождению предложения-высказывания, позволяющем определить дифференциальные призна-

ки микро-, а затем и макротекстов. Даны четкие характеристики семантических признаков глаголов-сказуемых, выявлен категориальный статус глаголов-сказуемых в различных типах текстов; анализ функциональной значимости глагола проводился с учетом когнитивного и структурного факторов, а также с учетом функциональной перспективы предложения.

Практическая значимость. Критерием практического применения результатов исследования является когнитивный подход к изучению и построению высказывания как вербоцентрической структуры; подход, нередко игнорируемый в школе и вузе вследствие длительного использования лишь коммуникативного фактора как средства общения. Результаты исследования могут способствовать восстановлению когнитивно-коммуникативной функции языка в процессе грамотного овладения чтением, речью и письмом. Кроме того, их можно использовать при составлении учебно-методических пособий, в разработке лекционных курсов по сопоставительной грамматике удмуртского и русского языков. Материалы диссертации могут быть положены в основу спецкурса.

Соответствие содержания диссертации специальности, по которой она рекомендована к защите.

Представленная диссертационная работа является прикладным исследованием функциональной значимости глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках.

Указанная область исследования соответствует формуле специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, по следующим указанным в паспорте определениям: «изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними»; «исследование и описание языка через его системное сравнение с другими языками с целью пояснения его специфичности»; «выявление различий между двумя сравниваемыми языками».

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Категориальные грамматические признаки глаголов способствуют порождению предложения-высказывания и следующих за ним отрезков текста, являющихся типами речи.

2. Оптимальным методом анализа микро- и макротекстов служит концепция трехуровневой структуры предложения.

3. Регулятором порождения предложения-высказывания и последующих за ним текстов является принцип построения функциональной перспективы предложения.

4. К идиозмическим признакам относится структурный признак предложения-высказывания.

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты диссертационного исследования представлены в виде докладов на научно-практических конференциях различного уровня: Международных (Ижевск, 2000; Йошкар-Ола, 2005; Piliscsaba, 2010), Всероссийских (Ижевск, 2009), республиканских (Ижевск, 2001, 2002, 2003, 2004, 2008, 2009). По теме исследования опубликована 21 статья, в том числе в журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура работы определяется общей концепцией, целью, задачами и логикой исследования.

Работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения и Библиографии, включающей 209 наименований. Объём диссертации 180 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность исследования; обозначены его объект и предмет; определены цель и сопутствующие задачи; раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; приведены методы анализа, даны сведения о материале исследования и об апробации его результатов; сформулированы положения, выносимые на защиту.

Сопоставление порождения предложения-высказывания в исследуемых языках представляется невозможным без изучения типологии категориальных критериев удмуртского и русского глагола. Выявление общей концепции исследования функциональной значимости глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках потребовало обращения к изучению всех параметров глагольной компетенции. Поэтому в I главе «Типология грамматических категорий глагола в удмуртском и русском языках» рассматриваются универсальные признаки грамматических категорий, присущие обоим языкам, и отличительные, идиозмические признаки исследуемых категорий.

Из анализа теоретических трудов финно-угроведов следует, что количество категорий в удмуртском языке то же, что и в русском языке. Тем не менее, существуют некоторые качественные различия, характеризующие

всю сферу функциональных признаков глагола. Так дифференциальным признаком инфинитива в удмуртском языке является отсутствие отрицания при неопределенной форме глагола, с одной стороны, и наличие аналитических форм глагола – с другой.

Следует отметить, что еще одной специфической формой удмуртского глагола являются аналитические глаголы. Они образуются сочетанием одного-двух деепричастий (чаще на *-са-* и *-тэк-*) со спрягаемыми формами некоторых десемантизованных глаголов, при этом лексическое значение заключено в деепричастии, а словоизменительные формы являются выразителями грамматических значений залога, наклонения, времени, числа, лица и т. п. Например: «*Ярам, мон министерствоен вераськыса утчало*», – *буёгатиз сое Клавдия Никифоровна*. 'Хорошо, я посоветуюсь (букв. поговорив попробую) в министерстве', – успокоила его Клавдия Никифоровна'; *Тодаз ялан возе агаеныз Кузёбай Гердэн вераськемъёссэз, солэсь жечлы дышеттыса шидытамъёссэз*. 'Постоянно помнит беседы дяди (старшего брата) с Кузёбаем Гердом, его нравоучения (букв. обучая поучать)'. Грамматически определяется несколько оснований для выделения подобного класса слов. В первом примере «аналитичность» обусловлена наличием двух семантически разных глаголов *вераськыса утчало* 'поговорив попробую'. В этом сочетании явно проступает способ действия со значением дуративности: показывающий некий результат 'пытаться поговорить' – обозначает начало действия. Основным принципом выделения этих глаголов является то обстоятельство, что они характеризуются не только слитностью и взаимной обусловленностью компонентов, но и тем, что общее грамматическое значение не сводится к сумме значений компонентов.

Как во многих языках, так и в удмуртском и русском, существуют группы объектных и неobjектных глаголов, первые из них подразделяются на переходные и непереходные. Переходные глаголы на уровне синтаксиса, проецируясь, требуют прямого дополнения в винительном падеже, и косвенного – в предложном падеже. Отличительный признак удмуртских переходных глаголов состоит в том, что переходность заложена в лексическом значении глагола, не требующего дополнения в винительном падеже. Так, допустимо высказывание *Мон узьясько* 'Я собираю землянику', и не допустимо – *Мон узьясько узьез*, букв. 'Я землянику собираю землянику'. Такие глаголы в удмуртских грамматиках традиционно считаются косвенно-переходными, хотя в семантике глагола заложено прямо-переходное значение.

Семантические параметры глаголов (глаголы действия, состояния, процесса, восприятия и т. д.) универсальны в обоих языках. Основной аппа-

рат грамматических категорий глаголов (лица, числа, времени, наклонения, залога) присущ обоим языкам. Однако каждый из языков обладает в этой области своими идиозмическими признаками.

Один из отличительных грамматических признаков удмуртского языка – отсутствие в нем грамматической категории рода, в то же время являющийся биологическим полом род в границах имени существительного выражается лексико-семантически. В русском языке наблюдаются системные парадигматические связи рода и наклонения, рода и времени: различие по родам свойственно лишь причастиям прошедшего времени изъявительного и сослагательного наклонений.

Основным дифференциальным признаком грамматических категорий удмуртского языка является наличие категории притворного действия; это особая глагольная категория, отмечаемая при помощи суффикса *-(э)мъяськы-* (или аналитически – при помощи сочетания причастий на *-(э)м* со вспомогательным глаголом *карыны* 'делать', *луыны* 'быть' и выражающая фиктивность, мнимость, видимость или маломерность действия: *ужа-ны* 'работать' – *ужа-мъяськы-ны* – *ужа-м карыны*, *ужам луыны* 'притворяться работающим, делать вид, будто работаешь', 'работать не в полную меру (о ребёнке или пренебрежительно о взрослом)'; *лыдзы-ны* 'читать' – *лыдз-емъяськы-ны* – *лыдз-ем карыны*, *лыдз-ем луыны* 'притвориться читающим, делать вид, будто читаешь'» [Кельмаков 2000: 32–33].

В силу своей семантики некоторые глаголы не обладают значением притворности действия и морфологических показателей этой категории иметь не могут. К ним относятся глаголы, обозначающие химические и физические процессы: *сыномыны* 'ржаветь', *сисьмыны* 'гнить'.

К особенностям удмуртского языка относятся личные показатели своеобразного глагольного отрицания: во всех временах глагол имеет утвердительную (положительную) парадигму спряжения и отрицательную. В русском языке показатель отрицания один и тот же для всех времен, лиц и наклонений – *не*, в удмуртском же этот показатель не просто «приставляется», а изменяется по временам, лицам и числам, причем сам глагол тоже принимает особую форму, отличную от утвердительной спрягаемой формы.

В глаголах сослагательного наклонения показатель лица в положительной форме присоединяется к основному глаголу, а в отрицательной форме – к частице отрицания: *мед туксёв* 'пусть сяду', *мед туксёд* 'пусть сядешь' (такая же картина и во мн. ч.).

Русскому глаголу вышеперечисленные идиозмические параметры не присущи.

Однако общие признаки глаголов имеют свои частные характеристики в удмуртском и русском языках. Так, категория залога в современном русском языке представлена действительным и страдательным залогами, в удмуртском же языке она представлена бинарными оппозициями залогов: возвратный/ невозвратный, понудительный/ непонудительный. Глаголы непонудительного и понудительного залогов морфологически обозначают, с одной стороны, исполнителя действия и понуждаемого к выполнению действия – с другой. При этом залогов обеих групп в формальном отношении друг от друга абсолютно независимы, то есть глагольные формы невозвратного/ возвратного залогов могут одновременно быть как в непонудительном залоге, так и в понудительном, ср.: *дйся-ны* 'одеть, надеть' (невозвр., непонудит.) – *дйся-сыкы-ны* 'одеться', (невозвр., понуд.) – *дйся-сыкы-ты-ны* 'вынудить (заставить) кого-л. одеться' (возвр., понуд.).

Глагольная категория вида в русском языке характеризует действие по наличию или отсутствию у него внутренних пределов. В качестве основного внутреннего предела выступают значения результативности, законченности действия, выражения его отдельного этапа (начала, конца). В русском языке существуют два вида: совершенный и несовершенный, что характеризует глагол с качественной стороны (завершённость/ незавершённость действия или различных его этапов). Удмуртский же глагол с точки зрения категории вида характеризуется с количественной стороны, морфологически в нем противопоставляются однократность и многократность совершения действия: *лыдзы-ны* 'читать (взяться за чтение один раз), прочитатъ (один раз)' – *лыдзы-лы-ны* 'читать (приниматься за чтение несколько раз), прочитатъ (многократно)'. Если в русском языке для определения категории вида основополагающим считается значение аспектуальности, то в удмуртском – сочетание значений акциональности и квантитативности.

В обоих языках выделяются два вида спряжения, в которых кардинальных отличительных признаков нет. Одной из центральных в составе морфологических категорий глагола является категория наклонения. Значение этой категории сводится к тому, что она выражает отношение действия к действительности, которое устанавливает говорящий. Категория наклонения имеет два основных значения: 1) реальное; 2) ирреальное. Как в удмуртском, так и в русском языках существует три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Но в удмуртском языке, в отличие от форм русского повелительного наклонения, к отрицательной, частице добавляются суффиксы лица (медам, медад, медаз).

Удмуртские глаголы сослагательного наклонения, кроме 1-го лица единственного числа, приобретают личные формы: *лобысал* 'я полетел бы',

лобы-сал-ыд 'ты полетел бы', *лобысал-ыз* 'он полетел бы', *лобысал-мы* 'мы полетели бы', *лобысал-ды* 'вы полетели бы', *лобысал-зы* 'они полетели бы'. Русские глаголы сослагательного наклонения не имеют морфологических показателей лица.

Толкование категории наклонения в удмуртской грамматике противоречиво. Некоторые учёные (П. П. Глезденев, И. В. Яковлев, С. П. Жуйков, В. К. Кельмаков и др.) наряду с категориями реальности/ирреальности выделяют категорию желательности. Между тем, существует возможность избежать этих противоречий, если исходить из типологии данной категории, основанной на явлении грамматической асимметрии, которая предусматривает возможность либо полисемантичности одной грамматической формы, либо одного значения у разных грамматических форм. Благодаря этому желательное наклонение обнаруживает себя как один из вариантов сослагательного наклонения.

В удмуртском языке глагол имеет восемь временных форм: четыре простых (настоящее *тук-исько* 'сижу', будущее *тук-о* 'буду сидеть, посижу', прошедшее очевидное *тук-и* 'я сидел', прошедшее неочевидное *тук-иськем* 'я, оказывается, сидел') и четыре сложных формы прошедшего времени, которые образуются путем сочетания всех простых форм со вспомогательными глаголами *вал* 'был' или *вылэм* 'был, оказывается'. В русском же языке существуют три временных формы: настоящее, прошедшее и будущее.

Относительно грамматических категорий лица расхождений между языками не наблюдается. К группе безличных глаголов в удмуртском языке по аналогии с русским языком иногда относят глаголы, обозначающие явления природы (*Куизь зоре* 'Дождь идёт', *булв.* 'Погода дождит'). Однако иногда данного рода конструкции называют личными двусоставными конструкциями, где *дождю* отводится роль субъекта. Но в данной концепции возражение вызывает высказывание о том, что *дождь* является субъектом действия, в то время как сам *дождь* и есть признак безличности. Синтаксическая двусоставность не является доказательством субъектности. Синтаксически *дождь* подлежащее, но не субъект процесса семантически. Безличные высказывания чаще всего односоставны. Исключения составляют примеры типа *Куизь зоре* 'Дождь идёт'. Они являются двусоставными, но безличными высказываниями.

Категория числа глаголов отличительных признаков не имеет.

Вторая глава «Типы текстов и их релевантные признаки» посвящена толкованию понятия текста и его компонентов как сочетания микро- и макротекстовых структур, с одной стороны, и определению релевантных признаков текста и типов текста – с другой. Существуют некоторые разно-

гласия в определении не только компонентов текста, но и самого понятия «текст». Большинство авторов признают, что текст есть один из сложнейших объектов лингвистического исследования.

Вслед за В. И. Максимовой следует признать, что текст – это законченное речевое произведение, сообщение, основными свойствами которого являются информативность, целостность, связность, литературная обработанность, закреплённость на каком-либо материальном носителе информации. Всеми исследователями признаются релевантные признаки текста: связность, информативность, тема-рематические отношения. Эти признаки присущи тексту любого функционального стиля. Предлагаемое же исследование посвящено анализу художественного текста, которому также присущи эти качества. Основной функциональный характер художественного текста заключается в совокупности его когнитивных и эстетических начал. Текст как цельное художественное произведение является макроструктурой, подразделяющийся на компоненты меньших макротекстовых структур (сверхфразовые единства, сложные синтаксические целые, сложные синтаксические цепи и т. д.), состоящих, в свою очередь, из микроструктур – предложений-высказываний. Различаются три типа текстов: тексты-нарративы, тексты-дескриптивы, тексты-аргументативы.

Методологический анализ текста проводился с опорой на функцию глагола как центра порождения предложения-высказывания (вербоцентрическая функция глагола тесно связанная с теорией глагольной валентности). Глагольная валентность, в свою очередь, представляет собой две трети концепции предложения по Ф. Данешу, на которой основан анализ исследуемого материала. Немаловажным пунктом концепции предложения является третий уровень – коммуникативный, представляющий собой теорию актуального членения предложения. Рематическая информация может определяться с помощью анализа языковых средств, контекстов, постановки вопросов либо без учета всех названных признаков, поскольку структурно и содержательно предложение самодостаточно. Всякий тип текста, в том числе художественный, подразумевает определенную функциональную перспективу на уровне актуального членения микро- и макротекстов. Функциональная перспектива проявляется в наличии разноплановых тема-рематических цепочек, которые могут быть автономными, каноническими и веерными. Вышеперечисленные подходы к анализу текстов дают основание для исследования типов текстов в разносистемных языках.

Третья глава «Идиоматические особенности функционирования глаголов в различных типах текстов в удмуртском и русском языках», состоит из трех параграфов, в каждом из которых исследованы типологиче-

ские и дифференциальные признаки разносистемных языков, что позволило провести анализ функциональной значимости глагола в различных типах текстов и обнаружить идиосинхронические особенности порождения предложения-высказывания.

Принято различать типологию текстов по ряду функциональных признаков и определять художественные тексты как тексты-нарративы, тексты-дескриптивы и тексты-аргументативы.

Этнолингвистические характеристики текстов предстоит выявить в ходе анализа.

В повествовательном тексте, как правило, наличествуют действующие лица, передается диалог между ними, особое внимание уделяется также фактам и событиям, поэтому текст бывает насыщен глаголами. Для иллюстрации обратимся к примеру.

Опол Заки школаысь куасэн бертэ вал(1). <...>

Бакча кенерзы дорысен тываи каллен мыныны кутская(2). Соку со лымы улысь мычыськем куак вёзысь кык тислэгёсты адъиз(3). Одиёз лымы вылын пуке(4), дырын-дырын лопырьясыке(5), жэутскемез уг луы(6). Мукетыз со котырын берга(7), солы маке ботыртэ(8), сьйраз чортэ(9), лэ-ся. Заки лымы вылын лопырьясыкысь куттиз(10), нош соиз патэнская(11), тэль пала лобъиз(12). Пываи корка пыремэ(13) аз но шоддылы(14), ос кустетий вавышитыкуз ик черектиз(15):

— Пересь нэнэ, чаты(16) татчы. Учкы — ай(17), кинэ мон кутти(18)!

Пересь нэнэ гуразь палась потиэ(19), гурулаз керттэм кышет пумъёс-сэ мыд-мыд пала кыскыса юнматтиз(20) но шуэ(21):

— О-о-о, тислэгэ ук та. Кыззы таче сзэ бурдоез куттид(22) меда тон?!

— Маты ке лобемез уг луы(23) татэн. Адъисыкод(24), кыче жум.

— Чутыр-чутыр карисыкы(25) но утылты(26) сое. Катъясыкод(27) (Шир. Ошмес., 124).

'Однажды Заки на лыжах из школы возвращался.<...>

Около забора он стал медленно идти. Тогда он из-под снега около кустов двух синиц увидел. Одна на снегу сидит, иногда крыльями машет. Взлететь не может. А другая — около него крутится, воркует, с собой зовёт, кажется. Заки машущую крыльями на снегу поймал, а другая отстранилась, в сторону леса улетела.

Мальчик не заметил, как домой дошёл, с порога крикнул:

— Бабушка, иди сюда. Посмотри-ка, кого я поймал!

Бабушка из кухни вышла, концы платка, завязанные под плечами, потуже затянула и сказала:

— О-о-о, это же синица. Как ты такую резвую птицу поймал?!

– Почему-то она не может лететь. Видишь, какая слабая.

– Мужайся и ухаживай за ней. Выздоровеет.’

В приведенном тексте на первый план выдвигается порядок протекания действия, развитие сюжета. Содержательно-фактуальная информация практически полностью передана глаголами: *бертэ вал* ‘шел домой’, *каллен мыныны кутсказ* ‘начал медленно идти’, *адзиз* ‘увидел’, *туке, лопырьяське, жэутскемез уг луы* ‘сидит, крыльями машет, не может взлететь (синица)’, *береа, ботыртэ, чортэ* ‘кружится, что-то воркует, зовет (другая синица)’, *кутис* ‘поймал’, *патэнскиз, лобзиз* ‘отстранилась, полетела’, *оз шодьбылы, черектис* ‘не заметил, крикнул’, *учкы ай, кутис* ‘посмотри, поймал’, *потис, юнматис, шуэ* ‘вышла, затянула, сказала’, *кутис* ‘поймал’, *лобземеэ уг луы* ‘лететь не может’, *адзискоод* ‘видишь’, *чутыр-чутыр кариськы, утылты* ‘мужайся, ухаживай’, *катьяськоз* ‘выздоровеет’. Следует отметить, что диалог в данном тексте способствует разворачиванию событий. Для придания тексту выразительности глаголы употребляются в настоящем времени: *лопырьяське* ‘крыльями машет’, в редких случаях – даже будущего времени. Если глаголы прошедшего времени дают возможность выделить одно из действий, подчеркнув его длительность, то глаголы настоящего времени позволяют представить действия происходящими на глазах читателя или слушателя. Глаголы будущего времени пробуждают воображение: читатель представляет себе, какие действия могут еще произойти. В данном тексте только один глагол имеет форму будущего времени. Это глагол *катьяськоз* ‘выздоровеет’, как обособленное предложение выпеснен за рамки главного высказывания.

Здесь связность составляют такие контекстуальные синонимы, как *береа* ‘кружится’, *ботыртэ* ‘воркует’, *чортэ* ‘зовет’. Вербоцентричность проявляется в тексте в следующих видах семантики: семантика действия (1, 2, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 22, 23, 26); семантика восприятия (3, 13, 17, 24); семантика процесса (8, 21); семантика общения (9, 15), семантика состояния (4, 25, 27).

Семантическая характеристика глаголов нарративного плана в тексте В. Широбокова.

Общее количество глаголов	27
глаголы действия	16
глаголы восприятия	4
глаголы процесса	2
глаголы общения	2
глаголы состояния	3

Как видно из анализа типов семантической организации высказывания, динамика повествовательного текста выражается главным образом обилием семантики действия: из 27 глаголов – 16 с семантикой действия. Далее следует ниспадающая частотность употребления глаголов со значением восприятия (4), процесса (2), общения (2), состояния (3). Протекание повествования по типам аспектуальных характеристик вплотную связано с их акциональными параметрами. Так, зачин и кульминация действия насыщены глаголами однократного вида (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, и т. д.), чем и объясняется динамика развертывания событий. Императивные формы свидетельствуют о завершении действия (развязка).

Из вышеприведенных характеристик можно сделать вывод о том, что динамика развития повествования чаще передается глаголами действия (иногда состояния (4)) однократного вида. Кульминация действия выражена, главным образом, глаголами однократного вида разных семантических групп.

Этот же повествовательный текст рассматривается в плане актуальной информации.

Оелол Заки школаысь куасэн бертэ вал. 'Однажды Заки на лыжах из школы возвращался'. Лексический состав предложения фиксирует жизненную ситуацию, в которой находился Заки. Известно, что многие школы Удмуртии находятся далеко от места проживания детей, и данный эпизод типичен в условиях сельской школы.

Оелол Заки школаысь куасэн бертэ вал. 'Однажды Заки на лыжах из школы возвращался' представляет собой комплекс темы, но единичный особый случай возвращения образует комплекс ремы *Оелол бертэ вал.* 'Однажды возвращался'.

В следующем предложении ремой оказывается само движение и темп движения *каллен мыныны кутскиз* 'начал медленно идти' – комплекс ремы. Место движения *бакча кенерзы дорысен* 'около забора' и субъект движения *тыши* 'мальчик' известны из предыдущего предложения и образуют комплекс темы. В третьем предложении движение и темп превращаются по правилу цепочки в тему *соку* 'тогда', остающийся фрагмент предложения есть разветвленный комплекс ремы. По такому принципу анализируются тема-рематические комплексы оставшегося фрагмента текста. Вопросительное предложение является запросом на рематическую информацию *Кызы таче сзэ бурдогз кутид меда тон?* 'Как же ты такую резвую птицу поймал?!'

Внимательный читатель не мог не заметить странного типа порядка слов в русском предложении, который при буквальном переводе специ-

ально не был оформлен в соответствии с нормами современного русского языка. Это позволяет выявить особенности построения удмуртского предложения-высказывания, в котором глагол почти всегда стоит на последнем месте, что объясняется двумя причинами: либо актуальной значимостью высказывания, при котором глагол занимает важное место в комплексе ремы, либо специфической особенностью построения удмуртского предложения. Как показывает анализ актуального членения предложения текста о Заки, глагол-сказуемое во всех случаях либо является собственно ремой, либо относится к комплексу ремы. Отсюда можно сделать вывод о том, что удмуртское предложение-высказывание представляет собой тип спокойного развертывания высказывания от темы к реме (объективное высказывание, по В. Матезиусу). Оппозитивная пара «либо» – «либо» сливается в единый признак. Особый тип построения удмуртского высказывания с глаголом в конце – есть его дифференциальный признак. Единственным исключением в тексте является тип субъективного (эмфатического) высказывания в диалоге: *Пересь нэнэ, чаль татчы. 'Бабушка, иди сюда'. Учкы ай, килэ мон кутii!* 'Посмотри-ка, кого я поймал!'

Повествовательный текст русского языка представлен отрывком из рассказа И. С. Тургенева «Муму».

Дело было к вечеру. Он (Герасим) шел тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то бархатается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с черными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бил, скользил и дрожал всем своим мокрым и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил ее одной рукой, сунул ее к себе за пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошел в свою каморку, уложил несчастного щенка на кровати, прикрыл его своим тяжелым армяком, сбежал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. <...> (Тург. Избр. пр., 309–310).

В приведенном отрывке глаголы образуют сюжетную цепочку (*Поглядел, подхватил, сунул, пустился, вошел, уложил, прикрыл* и т. д.). Они строят текст-нарратив. Такую роль (функцию) глаголов называют текстообразующей. Последовательность действий передается в рассказе глаголами совершенного вида. Все глаголы в повествовании употреблены в прошедшем времени.

Данный текст представляет для нас интерес с точки зрения актуального членения предложения. Автор начинает отрывок с описания хронотопа *Дело было к вечеру*, где *вечер* является ремой. Второе предложение отражает движение и направление движения к назначенному пункту, где рематиче-

ским компонентом является комплекс *ремы шел тихо и глядел*, место движения *взгляда на воду*. Второе предложение обнаруживает внезапность темпорального компонента *вдруг* – рема и основная цель взгляда *увидел, что что-то барахтается*, а у *самого берега* – тема, поскольку он шел к воде. Все местоимения, многократно повторяющиеся в тексте *он, ему, она, ее* и т. д., – суть компоненты тематические, поскольку имя героя названо в предыдущем тургеневском контексте.

Как и в удмуртском повествовательном тексте, основная актуальная информация приходится здесь на вербальные компоненты высказывания, но, в отличие от удмуртских повествовательных текстов, порядок актуального членения предложения не фиксирован, а свободен. Рема может находиться почти в начале предложения *он шел, он наелся и увидел* и т. д. и в середине предложения *не мог вылезть, подхватил одной рукой* и один раз в конце *дрожала и шурлилась*. Однако это не означает, что финитный глагол не может стоять в конце высказывания, он лишь однажды встречается в тургеневском тексте, что объясняется художественным стилем писателя.

Как удмуртские, так и русские повествовательные тексты являются наглядным подтверждением verboцентрической структуры предложения, с одной стороны, а с другой – в них представлены преимущественно глаголы семантики движения, состояния, восприятия, процесса. С точки зрения актуального членения предложения, финитные глаголы всегда входят в состав ремы и связаны рематически тремя ипостасями – времени, места и движения, поскольку художественный текст отражает материальный мир. Уравновешенный характер удмуртского народа, как черта его национального менталитета, проявляется в повествовательных высказываниях в спокойном развитии актуальной информации от темы к реме, которая является финитным глаголом конечной позиции высказывания (фиксированный порядок слов). Актуальная информация в удмуртском тексте занимает конечную позицию, в русском – повествовательные тексты структурно представлены более разнообразно, что объясняется русской ментальностью, выражающейся в большой свободе выбора порядка слов в построении высказывания. Однако нельзя считать данные постулаты универсальными, поскольку обоим языкам свойствен субъективный порядок компонентов актуального членения предложения, содержащий рему в начале предложения. Тематические отношения достигаются в основном цепной связью. Тексты-нарративы – преимущественно динамичные, показывающие развитие событий.

В отличие от текстов-нарративов, тексты описательного характера являются, в основном, статичными.

Обратимся к тексту-описанию удмуртского прозаика Т. Архипова:

Корка пыръкуз, Таняз кыдёкысен ик тумшиз чesкыт пыжсыскем-пöзтэм зын. Жöк вылын вöям пöсь перепеч тэркые тырыса дасямын ини. Нап буссэ поттыса пуке çуж самовар. Анайзы гур котырын берга, ачиз Прохор чашикаосы чай лэзъя.

Корка пушкын чылк-чылк. Борддорьёс чагыр пужыё обоен лякытэмын. Тör шоразы рамаын чыжсы-выжсыоссылэн портретьёссы. Выжсы çуж-çуж мискемын. Ос дорысен кутскыса зус улозь пырак кык радэн половикуёс валемын. Мукетыз – жöк дорысен висьет сёры, гуразьнала кыстийске. Укно янакёс вылын – пöртэм сяскаос серекьяло. Усытэм укноетий садысь будосьёслэн чesкыт зынзы корка ныс-ныс пыре.

Чалмыт коркан борддорысь бадзым чаклэн маятникезлэн огсыр тиктак! шукасыскемез но самоварлэн векчи гурен нёрьямез гинэ кылийске (Арх. Лудзи., 89–90).

’При входе в дом Таню издалека запахстряпанного встретил.

На столе в тарелке уже помазанные маслом перепечи поставлены. Пуская густой пар начищенный до блеска самовар стоит. Мама около печи крутится, сам Прохор в чашки чай наливает.

В доме чисто. На стенах поклеены обои с голубыми узорами.

Посередине в рамке портреты родственников. Пол чисто помыт, желтый-прежелтый. От дверей до скамеек до конца в два ряда половики постелены. Другой – от стола в другую комнату, на кухню тянется. На подоконниках – различные цветы улыбаются. Через открытое окно в дом из сада различные ароматы доходят.

В тихом доме иногда слышно тиканье маятника больших настенных часов, а у самовара тоненькой мелодией звук слышится’.

Поскольку исследование посвящено вербоцентрической структуре предложения, указывающей на центральную роль глагола в его порождении, то, опуская описания атрибутов объектов и субъектов речи, обратимся к семантике глаголов в описательных текстах.

Семантическая характеристика текстов-дескриптивов в произведении Т. Архипова.

Общее количество глаголов	13
глаголы состояния и покоя	5
глаголы восприятия	5
глаголы действия	2
глаголы качества	1

В 14 предложениях вышеприведённого текста 13 глаголов и одно наречное сказуемое *чылк-чылк* ‘чистым-чисто’. Два глагола действия характе-

ризуют субъекты (*крутится, наливает*); пять глаголов – с бифункциональной семантикой состояния и покоя (*постелены, поклеены, тянется, поставлены, стоит*), с функцией качества (*чисто помыт*) – один, глаголов восприятия (*ароматы доходят, цветы улыбаются, звук слышится, запах встретил, тикание слышно*) – пять. Анализ семантических параметров глаголов привел к следующему заключению: семантическая картина уюта деревенского дома зиждется на восприятии субъекта и качественных характеристиках наблюдаемых им объектов. Поэтому неудивительно, что семантика действия лишь в двух предложениях представлена эксплицитно: *Ана́йзы гур коты́рын бе́раа; Прохор ча́й лэ́зья*. 'Мама крутится около печи; Прохор чай наливает'. В первом предложении имплицитно, деепричастие *ты́рыкуз* 'войдя' (поскольку данное деепричастие является семантическим предикатом, а не глаголом-сказуемым): при входе = войдя: когда Таня вошла в дом, то её встретил запах. Субъект Таня описывает свои ощущения, выраженные в семантике восприятия и качества объектов.

В данном фрагменте из произведения Т. Архипова описывается визит девушки в дом, отражающий внутренний мир его хозяина. Даётся картина тёплой и уютной деревенской избы. Вся информация является новой и важной, она касается объектов жилища (*корка тушкын чылк-чылк* 'в доме чистым чисто', *ческыт зын* 'запахи приятные' и т. д.). С точки зрения актуального членения предложения, этот текст дает возможность определить качественно-количественную характеристику его коммуникативной структуры. Анализ коммуникативной структуры текста обнаружил преобладание комплексов ремы, то есть важной, актуальной информации над комплексом темы. Неудивительно, что комплекс ремы в микротекстах (предложениях) и в макротекстах (отрывке) преобладает. Тематическими компонентами актуального членения предложения в анализируемом отрывке являются объекты, присущие каждому жилищу *выж* 'пол', *борддорьёс* 'стены', *жэсёк* 'стол', *жэс* 'скамейка', *половикьёс* 'половики', поэтому приятные новые впечатления субъекта преобладают.

Текст состоит из четырех абзацев, первый из которых отношения к описанию не имеет, а только предваряет его. В трех последующих описывается содержимое стола, комнаты, дан общий облик дома. В предложениях: *Корка тушкын чылк-чылк* 'В доме чистым чисто'. *Төр шоразы рамаын чыжы-выжыослэн портретьёсы*. 'На переднем плане, в рамке портреты родных' – в первом случае сказуемое выражено наречием, второе – тоже безглагольное.

Персонифицированная информация *сяськаос серекьяло* 'цветы смеются', ассоциативная метафора *луке самовар* 'стоит самовар', *ческыт зынзы*

пыре 'в кухню аромат доходит' (о цветах) придает описанию зрительный, образный, осязаемый характер.

В ходе описания последовательно перечислены наиболее характерные признаки деревенского уюта, поэтому удельный вес слов, обозначающих качества, свойства предметов, явлений и лиц значительнее, чем в повествовании.

Анализ текста показал, что восприятие субъектов и объектов наблюдаемого уюта деревенского дома лишено динамичности, поскольку все объекты описания статичны *борддоръёс* 'стены', *выж* 'пол', 'обои', *портретьёс* 'портреты'. Динамичными являются только два субъекта действия (отец и мать, они суетятся, встречая гостя). Соотношение динамики и статики в описаниях данного текста определяется как два к одиннадцати. Налицо преобладание статичности текста-дескриптива.

Этнолингвистический параметр построения удмуртского предложения сохраняется и в описательных текстах. Финитные глаголы в удмуртских текстах выделены графически, в русском же переводе намеренно сохранен удмуртский порядок слов, фиксированное положение сказуемого в конце предложения.

В русских текстах описание может включать последовательность номинативных и эллиптических конструкций, что создает своеобразный номинативный стиль, наиболее ярко представленный в ремарках драматургических произведений, в киносценариях и записях дневникового характера. Например:

Большая комната, угол дома; здесь Васса прожила лет десять и проводит большую часть дня. Большой рабочий стол, перед ним легкое кресло с жестким сиденьем, несгораемый шкаф, на стене обширная, ярко раскрашенная карта верхнего и среднего течения Волги – от Рыбинска до Казани; под картой – широкая тахта покрыта ковром, на ней груды подушек; среди комнаты небольшой овальный стол, стулья с высокими спинками; двойные стеклянные двери на террасу в сад, два окна – тоже в сад. Большое кожаное кресло, на подоконниках – герань, в простенке между окнами на полу в кадке – лавровое дерево. <...> (М. Горьк. Васса, 427).

Описание комнаты Вассы Железновой содержательно и синтаксически идентично удмуртскому тексту из произведения Т. Архипова, но в отличие от удмуртского текста, русский текст, ввиду его рематического характера, полностью статичен, поскольку отсутствуют агенты (субъекты действия), текст полностью состоит из пациенсов (описываемых объектов). С точки зрения актуальной перспективы высказывания он главным образом рематичен, с наличием субъективных высказываний: *Большая* (рема) *комната*

(тема), *угол* (рема) *дама* (тема). Комплексы ремы обозначают важные предметы большой комнаты, количество дверей, выходящих в сад, и другие помещения подчёркивают её размер. Тема-рематические цепочки в текстах-описаниях могут соблюдаться и не соблюдаться в зависимости от того, является ли характер содержания эмоциональным или рациональным.

Известно, что представители разных этносов могут думать одинаково, а выражают свои мысли по-разному, в зависимости от системы и структуры родного языка. Тем не менее, в художественных текстах разные авторы создают описательные характеристики, идентичные, как в структурном, так и в коммуникативном плане. Финитные глаголы в описании статичной ситуации всегда употребляются в настоящем времени, указывая на устойчивость ситуации. Последовательность и параллелизм характерны для каждого описательного текста. Перед читателем предстают всё новые объекты описания, поэтому в текстах преобладает актуальная информация.

Типы текстов функционируют не обязательно в чистом виде, они могут обнаруживать признаки бифункционального характера, то есть быть описательными и повествовательными одновременно. Так, событийность описательного текста может придавать ему повествовательный характер. В текстах-описаниях превалирует глагольная форма настоящего времени, которая выражает длительное состояние предмета или «вневременное» состояние. Для описания характерна однотипность форм сказуемого, что подтверждает статичность изображаемого. Наиболее частотны описания с единым планом прошедшего времени. Описательный тип предложения наглядно подтверждает этнолингвистические особенности удмуртского слога, заключающиеся в своеобразном выражении структуры высказывания. Семантический и коммуникативный параметры удмуртского предложения не отличаются от русского предложения, но синтаксические планы выражения у них различны. Для удмуртского предложения характерен фиксированный порядок слов с конечным положением сказуемого, в отличие от достаточно свободного порядка слов в русском предложении.

Тексты-аргументативы представляют собой рассуждения, являющиеся дериватом логического понятия «суждения», которое в логике определяется как мысль, содержащая наличие или отсутствие каких-либо объектов, их свойств либо связей между ними. Данный тип речи характеризуется наличием абстрактной лексики, связанной с отображением мира суждений, передающих различные логические отношения. Основная функция рассуждения кроется в его познавательной установке, а как это выглядит коммуникативно, зависит от того, насколько говорящий владеет научным стилем. Если в повествовании, описании превалирует коммуникативно-познавательная

функция, то в рассуждении – познавательно-коммуникативная. Логика – обязательная стилистическая черта, с которой связаны все другие характерные признаки: ясность, последовательность, компетентность и четкость, абстрактность, отсутствие экспрессивности, объективность.

В художественном стиле тип речи «рассуждение» часто встречается во внутренней речи персонажей и может содержать не все или не все три части схемы рассуждения.

Анализируется текст - рассуждение о лесе.

Нюлэс бадъым пайда сѣтэ.

Нырысь ик, тэль – со лэсьтійськон материал. Кыкетійез – тросэзтэн тьлюбурдоослэн улон интызы. Куинетійез – узы-боры, губи октон инты. Ньылетійез – амырез чылкытатісь, ошмесьёсты утись-вордїсь.

Озьыен, нюлэс адямилы бадъым пайда сѣтэ, соин ик сое утёно [Никольская 1990: 33].

‘Лес приносит большую пользу.

Во-первых, лес – это строительный материал. Во-вторых – у многих птиц место для жилья. В-третьих – место сбора ягод, грибов. В-четвёртых – чистый воздух, берегающий родники.

Таким образом, лес человеку приносит большую пользу, поэтому его нужно беречь’.

Текст состоит из трех абзацев, соответствующих структуре рассуждения. Определяется тезис: *Нюлэс бадъым пайда сѣтэ*. ‘Лес приносит большую пользу’. Следующие предложения представляют собой аргументы: *Нырысь ик, тэль – со лэсьтійськон материал*. ‘Во-первых, лес – это строительный материал’. Трансформация пермутации свидетельствует о тождественном характере рассуждения ‘строительный материал = лес’, и во всех четырех предложениях идет доказательство выдвинутого тезиса. Слова *нюлэс, тэль* ‘лес’ эксплицитно не выражены, но подразумеваются, тоже являясь тождеством. Чтобы не перегружать текст повторами, автор вместо слов *нюлэс, тэль* ‘лес’ использует тире. В последнем абзаце делается вывод: *Озьыен, нюлэс адямилы бадъым пайда сѣтэ, соин ик сое утёно*. ‘Таким образом, лес приносит человеку большую пользу, поэтому его нужно беречь’.

Глаголы в тексте занимают, казалось бы, незначительное место. Тезис и вывод содержат 3 глагола, 2 из которых стоят в форме настоящего времени *сѣтэ* ‘дает’ и в форме безличного глагола *утёно* – ‘надо беречь’. Основная же часть безглагольна, что выполняется существительными, которые в предложениях являются составными именными сказуемыми, а вспомогательный глагол – *лужыны* ‘является’ опущен. Немногочисленные глаголы употребляются в форме настоящего времени, тем самым в основной части

утверждаются вечные понятия. Языковым признаком данного текста является номинативность, финитный глагол *пайда сётэ* 'пользу приносит', *утёно* 'нужно беречь' наблюдается только в тезисах и выводе.

Отрывок содержит все три части рассуждения: тезис, доказательство, вывод.

Классическим примером текста-аргументатива в русском языке является поэма А. С. Пушкина «Домик в Коломне». Задуманная на тривиальную тему 'мужчина в роли кухарки в женской одежде в мещанском домике в Коломне' поэма начинается рассуждением о том, как пишут стихи и как можно их писать. Дело в том, что четырехстопным ямбом во времена Пушкина писали многие и упрекали поэта в номинативном, а не в глагольном стиле письма. Пушкин пишет: «<...> ямб ... *мальчишам в забаву пора б его оставить*». Он хочет испытать себя в октаве: «*Отныне в рифмы буду брать глаголы*». Первые две строфы поэмы представляют собой тезис текста-аргументатива. Из сорока строф поэмы – строфам рассуждениям посвящены десять. Шесть с половиной строф представляют собой аргументы, в которых легко и игриво описывается трудный путь поэтического творчества:

Не стану их (глаголы) надменно браковать, ...

...Из мелкой сволочи верблю рать.

Мне рифмы нужны; всё готов сберечь я,

Хоть весь словарь; что слог, то и солдат –

Все годны в строй: у нас ведь не парад.

(Пушк. Собр. соч., 223).

Последняя строка говорит о серьезном подходе к стихотворчеству, хотя и в шуточной форме: *у нас ведь не парад*. И дальше в той же полушутливой форме представлена стихотворная поэтическая мастерская поэта:

Усядсья, муза: ручки в рукава

Под лавку носки! не вертись, резвушка!

Теперь начнем

(Пушк. Собр. соч., 225).

Этим заканчивается аргументация текста и начинается собственно сюжет. *Жила-была вдова*, <...> Текст-рассуждение прерывается, начинается основное содержание поэмы «Домик в Коломне», которое заканчивается двумя последними строфами – выводом. Однако вывод касается не способа стихосложения, а умения читать и вникать в концепцию, которую автор не обязан подсказывать. Вся поэма представляет собой классический пример текста-аргументатива. При этом из сорока строф поэмы десять принадлежат рассуждению.

В функциональной перспективе высказывания тексты-аргументативы имеют цепную связь с постепенным тема-рематическим нарастанием.

В **Заключении** подведен итог проделанной работы и сформулированы общие выводы исследования. Сравнивая удмуртские предложения с русскими, можно сделать вывод о том, что их семантические и коммуникативные характеристики идентичны, поскольку мышление людей одинаково, но доносят они свою мысль до собеседника по-разному. Так, в русских предложениях любого типа текстов порядок слов не фиксирован, достаточно свободен, в то время как в удмуртских предложениях всех типов текстов он твердо фиксирован и представляет собой этнолингвистическую особенность удмуртского предложения-высказывания.

Функциональная значимость глагола в исследованных видах текстов многогранна. Исследование функционирования глагола в различных типах удмуртского и русского текстов обнаружило языковую картину дифференциальных признаков порождения и построения предложения-высказывания.

Основные когнитивные (семантические) и коммуникативные признаки глагола в высказываниях представлены в текстах одинаково. Структурные параметры различны. В этом проявляется специфика порождения-высказывания в разносистемных языках. Перспективным представляется дальнейшее исследование в сопоставительном аспекте современной динамики языков.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Бульчева, Е. А. Семантико-грамматические варианты глаголов в разговорной речи учащихся / Е. А. Бульчева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 4. – С. 365–367.
2. Бульчева, Е. А. О семантических вариантах сослагательного наклонения удмуртского языка / Е. А. Бульчева // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 163–165.

3. Булычева, Е. А. Основные семантические варианты глаголов сослагательного наклонения удмуртского языка / Е. А. Булычева // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы I науч. конф. / редкол.: Э. С. Гордон, Г. А. Ушаков, А. В. Федоров. – Ижевск, 1997. – С. 214.

4. Булычева, Е. А. Textoобразующие функции категории наклонения в удмуртском языке / Е. А. Булычева // Образование в Удмуртии: история, реальность и перспективы: материалы науч.-практ. конф., к 60-летию ИУУ УР/ Удмурт. респ. ин-т усовершенствования учителей; редкол.: Р. Ф. Березин [и др.]. – Ижевск, 1998. – С. 78.

5. Булычева, Е. А. Связность как один из признаков текста / Е. А. Булычева // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы IV науч. конф. / Междунар. Вост.-Европ. ун-т. – Ижевск, 1999. – С. 53.

6. Булычева, Е. А. К вопросу о желательном наклонении в удмуртском языке / Е. А. Булычева // Пермистика 6: проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т, Каф. общего и финно-угор. языкознания. – Ижевск, 2000. – С. 19–25.

7. Булычева, Е. А. Модальность – один из предикативных признаков предложения / Е. А. Булычева // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Журавлёв, С. С. Савинский. – Ижевск, 2001. – Ч. 1. – С. 152.

8. Булычева, Е. А. Способы выражения субъективной модальности / Е. А. Булычева // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы VI науч. конф. / Междунар. Вост.-Европ. ун-т. – Ижевск, 2001. – С. 156–157.

9. Булычева, Е. А. От темы к реме / Е. А. Булычева // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы VII науч. конф. / Междунар. Вост.-Европ. ун-т. – Ижевск, 2002. – С. 139–141.

10. Булычева, Е. А. Интенционально-лингвистический статус актуального членения предложения / Е. А. Булычева // Шестая российская университетско-академическая научно-практическая конференция: материалы конф. / отв. ред. В. А. Журавлев; УдГУ, Естеств.-гуманит. науч.-образов. комплекс. – Ижевск, 2004. – Ч. I. – С. 119–120.

11. Бульчева, Е. А. Коммуникативная функция сказуемого в простом предложении удмуртского языка / Е. А. Бульчева // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – Ч. II: Лингвистика. – С. 26.

12. Бульчева, Е. А. О проблемных вопросах залоговых форм / Е. А. Бульчева, А. И. Орлова // Вестник Удмуртского университета. Сер. Филологические науки. – 2007. – № 5, вып. 1. – С. 177–180.

13. Бульчева, Е. А. Тренировочные задания по развитию навыков устной речи (на материале удмуртского языка): учеб.-метод. пособие / Е. А. Бульчева. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 30 с.

14. Бульчева, Е. А. Лингвостилистический анализ поэмы К. Герда «Гондырьёс» / Е. А. Бульчева // Кузубай Герд и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 31 марта – 2 апр. 2008 г. / Федер. агентство по культуре и кинематографии, Правительство Удмурт. Респ., М-во культуры Удмурт. Респ., Нац. б-ка Удмурт. Респ. – Ижевск, 2008. – С. 131–134.

15. Бульчева, Е. А. Роль информативной функции в тексте / Е. А. Бульчева // Пермистика XII: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XII Междунар. симп. (21–22 окт. 2008 г., Ижевск) / отв. ред. А. Ф. Шутов; Удмурт. гос. ун-т, ИЯЛ УрОРАН. – Ижевск, 2008. – С. 64–66.

16. Бульчева, Е. А. Особенности обучения русскому языку студентов вузов / Е. А. Бульчева // Вестник Ижевского государственного технического ун-та. – 2008. – № 4. – С. 225–227.

17. Бульчева, Е. А. Лингвистические основы обучения русскому языку детей удмуртов / Е. А. Бульчева // Творческая природа человека: (петраковские чтения): [материалы Рос. науч. конф., 20–21 марта, 2009 г.] / Удмурт. гос. ун-т; [науч. ред.: А. А. Разин, М. Н. Макарова, М. И. Шишкин]. – Ижевск, 2009. – С. 41–43.

18. Бульчева, Е. А. Основные тенденции совершенствования методики русского языка в национальной школе / Е. А. Бульчева // Вестник Костромского государственного ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 1. – С. 346–348.

19. Бульчева, Е. А. Стилистические функции сравнений / Е. А. Бульчева // Третьи Флоровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию удмурт. поэта Ф. И. Васильева (18–19 февр.

2009 г., Глазов)/ ГОУВПО «Глазов. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко»; отв. ред. Т. Г. Волкова. – Глазов, 2009. – С. 140–142.

20. Бульчева, Е. А. О точности критериев в типологии грамматических категорий в современном удмуртском языке / Е. А. Бульчева, А. И. Орлова // Ежегодник финно-угорских исследований' 08 / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред.: А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск, 2009. – С. 71–74.

21. Бульчева Е. А. Порядок слов в удмуртском языке // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba 9. – Piliscsaba, 2010. – Pars VII. – С. 235.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 11.11.2010. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 1.5. Уч.-изд. л. 1.3. Тираж 100 экз. Заказ № 1863.

Типография ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.

